

П И О Н Е Р

Июль

Издательство „Правда“ 1945 г.

7

1945
7, 8, 12

У комсомольцев, у советской молодёжи, у всех нас большой, радостный праздник. За выдающиеся заслуги перед родиной в годы Великой отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и за большую работу по воспитанию советской молодёжи в духе беззаветной преданности отечеству правительство наградило комсомол орденом Ленина.

Три ордена украшают теперь знамя комсомола.

За боевые заслуги, за беспримерное мужество, проявленное в огненные годы гражданской войны, комсомол был награждён орденом Красного знамени.

Второй орден, орден Трудового красного знамени, комсомол получил за самоотверженный и вдохновенный труд на стройках первой сталинской пятилетки.

И вот теперь, в великие дни, когда наша родина празднует победу над врагом, комсомол отмечен третьей высокой наградой — орденом Ленина.

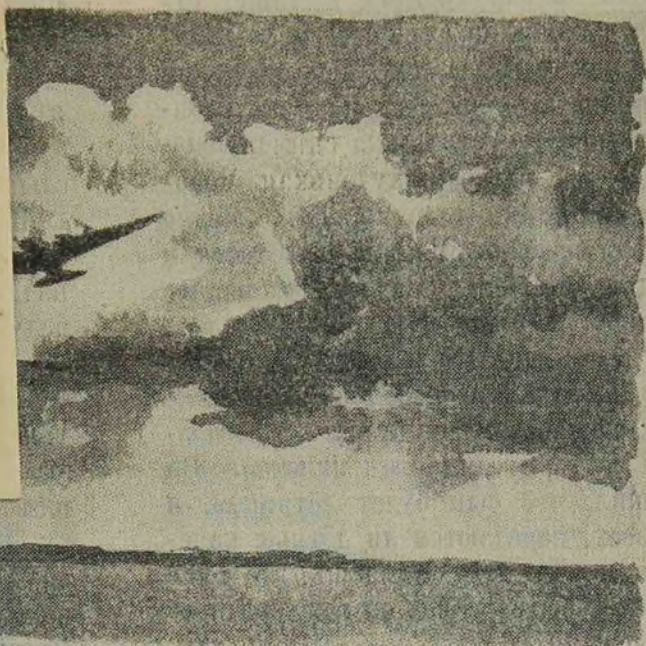
В дни Великой отечественной войны комсомольцы вместе со всем советским народом встали на защиту социалистического отечества.

На самых трудных и ответственных участках были комсомольцы. Они героически сражались на фронте, самоотверженно трудились в тылу. Их не останавливали тяжёлые испытания и опасности, в больших и малых делах они проявляли самоотверженность, отвагу, юношеский пыл, инициативу и беспредельную преданность родной стране.

Таковыми их воспитала большевистская партия.

Пионерский салют нашему старшему брату — ленинско-сталинскому комсомолу!

С детства мечтал автор этого рассказа о полётах. И его мечты сбылись. Пионер-авиамоделист, страстно мастеривший одну модель за другой, вырос и стал боевым лётчиком, отважным, умелым, превосходно владеющим высшим пилотажем. В дни Отечественной войны капитан Кузнецов доблестно защищал родину. Во время одного воздушного боя он был тяжело ранен. Раненый, ослеплённый, он не потерял присутствия духа и сумел вывести машину из боя и приземлиться. В госпитале лётчик узнал, что никогда больше не будет летать, что зрение его потеряно навсегда. Но и тут он проявил самое высокое мужество. Ещё в госпитале капитан Кузнецов начал писать рассказы о войне, о боевой жизни, о подвигах своих друзей-лётчиков. Так продолжает Герой Советского Союза капитан Кузнецов свою большую работу для народа, для родины.

Зеленые ракеты

Герой Советского Союза С. Кузнецов

Рис. Б. Винокурова

В дежурке было жарко. Жезлов взглянул на светящийся циферблат: 23.50. До рассвета ещё оставалось часа четыре, но дежурство обещало быть спокойным.

В эту ночь на аэродроме сосредоточились самолёты всех окрестных авиабаз. Превосходные силы противника прорвали линию обороны на этом участке фронта. Сгруппированные на аэродроме истребители, штурмовики и бомбардировщики должны были на рассвете следующего дня обрушиться на немцев.

Всё прошло гладко. Машины приземлились одна за другой и разместились вокруг взлётной дорожки. Экипажи или оставались в первой готовности у самолётов или, собравшись группами, покидали в рукав, ожидая утра.

Обходя экипажи, Жезлов встретил много товарищей — и тех, с которыми расстался ещё в школе, и дружков по финской кампании и по этой войне. Прилетел со своим звеном штурмовиков и Анатолий Савченко — большой весельчак и лётчик отчаянной смелости. Он срёб Жезлова в

охапку и мям своими ручищами, пока тот не запросил лошады.

— Ну як, Вася, чесанём завтра гансов?..

Жезлов уныло покачал головой:

— Нет, брат. Дежурю...

Он рассчитывал вместе со всеми лететь завтра на штурмовку, но приказом штаба фронта был назначен ответственным дежурным по аэродрому. И вот сейчас он томился в дежурке.

Снизу, из бильярдной, донёсся хохот. «Анатолий, верно, заправляет...» — подумал Жезлов и, откинув маскировочный занавес, вышел.

На открытом воздухе было почти так же душно, как и в дежурке. В ясном небе дрожали крупные августовские звёзды, на северо-востоке сквозь лёгкие перистые облака пробивался слабый свет ущербной луны.

Жезлов, обогнув цветочные клумбы, пошёл по узкой дорожке к столовой. Лёгкий ветер приносил к аромату цветов терпкий запах полыни и острую бензиновую вонь. С поля доносились приглушённые голоса и мягкий шелест шин:

аэродромная команда закончила погрузку боеприпасов на самолёты и откатывала тележки к ангару. Направо, где разместились истребители, меланхолично наигрывал баян и кто-то непромком пел знакомую песню:

«Не нужно слёз и грусти в час разлуки,
Домой вернусь, когда врага сметём...»

«Домой вернусь...» — вот так пел и Фролов. Он был уверен, что непременно вернётся, не может не вернуться. Как могли обойтись без него здесь и там, дома, в захолустном Ермише, где ждали его Нина и, как он говорил, «пузыри»? Всегда, когда речь заходила о семейных делах, он вынимал из кармана гимнастёрки плохую любительскую фотографию — «братинка снимал, способный малец», — на которой худенькая молодая женщина с большими глазами, напряжённо улыбаясь, держала ребёнка. Малыш был толст и потешно тарачил глазёнки на что-то, видное только ему. Теперь их было двое. Неделю назад Фролов получил известие, что родился сын. Гордый и счастливый, он рассказывал об этом каждому встречному, удовлетворённо принимал поздравления и мечтал вслух о «династии пилотов». Он уже заранее решил, что сын будет лётчиком, и допытывался у всех, передаются ли лётные качества по наследству: «Ты же понимаешь, это тоже талант, а? Не может быть, чтобы он так, зря пропал...»

Жезлов подошёл к столовой. Возле водоразборной колонки, опираясь на неё, стоял майор Смирнов.

— Всё в порядке? — спросил он. — Шестёрка вернулась?

— Нет, один не вернулся.

— Какой?

— «С-1024»... Фролова.

Майор прищурился и сжал тонкие губы:

— И никаких сведений?

— Нет.

— Жаль... — произнёс Смирнов. — Нужно доложить.

— Да, будет сделано. Весёлый парень был, — почему-то добавил Жезлов и пошёл обратно.

В дежурку подниматься не было надобности и не хотелось. Он открыл дверь в билльярдную. Навстречу хлынула волна табачного дыма и взрыв хохота. На маленьком билльярдном столе сидел Савченко, а вокруг на чём пришлось хохочущие слушатели. Увидев Жезлова, Савченко шутливо взмолился:

— Вася, ходи сюда, подтверди. Я им случай из жизни, для обмена опытом, а они хохочут... Понимаешь, такое дело. Взлетел я на «ишак» — я тогда в Каче литав. — только поднялся, делаю боевой разворот и вижу, мне «крест» выкладывают: сидай, мол, обратно, но пляди в оба: авария. Потом «шраво» выкладывают. Я туда,

сюда — не понимаю. Затянул под фюзеляж — правого колеса нема. А они там «лево» выложили. Гляжу — маты ридна! — левое отвалилось. Что будешь делать? Как садиться? Я ка-ак двину ногой! Прошиб пол фюзеляжа, нога наружу вылезла. Я другой — тоже... «Ну, — думаю, — колёс нема, так я за них побегу... Я ж в футбол играл, спринтером був...»

Вокруг опять захохотали. Жезлова кто-то тихонько потянул за рукав — сзади стоял телефонист:

— К телефону, товарищ дежурный.

Жезлов вышел и, поднявшись в аппаратную, взял трубку.

— Говорит радист. Пункт ВНОС сообщает, что слышен шум приближающихся самолётов.

Но Жезлов уже слышал и сам. Он бросил трубку и выбежал на наблюдательную вышку. С запада доносился глухой рокот моторов. Жезлов вслушивался, пытаясь определить количество самолётов. Один, два, три... четыре... Вот тебе и спокойное дежурство! Сейчас будет карусель. Четыре... Но гул нарастал, и становилось ясно, что это один самолёт, четырёхмоторный бомбардировщик. Почему один? Немцы не летают в одиночку. Или это какой-нибудь фокус? Да, совершенно очевидно, что это одиночка. И звук совсем не похож на завывание немецких моторов. Или... Предположение превращалось в уверенность. Самолёт наш. Наверное, «ТБ-3». Но откуда он взялся? Сбор самолётов закончен, и больше ни один не мог прилететь, да ещё без предупреждения. Неужели... Неужели «С-1024»?! Фролов?..

Жезлов обернулся, чтобы окликнуть радиста, и осекся. Радировать нельзя: немцы могут зашифговать. И тогда... Тогда сотни ценнейших машин, доотказа нагруженных бомбами и бензином, через какой-нибудь час превратились бы в груду пылающих обломков.

Он сбегал по лестнице вниз. Все находившиеся в билльярдной выскочили за дверь и, задрав головы, всматривались в потемневшее после полудни небо, пытаясь рассмотреть подхлотивший самолёт. «ТБ-3», — негромко сказал кто-то. В это время с самолёта одна за другой взвились две зелёные ракеты.

— Наш, — облегчённо вздохнули все.

Прямо через клубы к дежурке бежал майор Смирнов. Ещё издали, срываясь со своего несколько наигранного баска на тенор, он закричал:

— Товарищ ответственный дежурный, вы что, мух ловите? Почему не даёте команду принять самолёт?

Уверенность майора странным образом усилила сомнения Жезлова:

— Зелёные ракеты, товарищ майор...

Он взглянул на часы: 0.45. После двенадцати

ночи парольный сигнал менялся: не две зелёных, а одна красная. Это знал Фролов, знал весь экипаж.

Самолёт пошёл по кругу, нацеливая аэродром.

Пять бомбардировщиков фроловского отряда вернулись в 22.35. По самым грубым подсчётам, Фролов должен был вернуться не позже 23. И ракеты... Почему они дают зелёные?..

— Почему зелёные, товарищ майор? После двенадцати...

— Знаю! Знаю сигнал, и знаю, что вы буквед... А сами вы не можете перепутать сигналы?..

С самолёта опять круто поднялись и поплыли вниз две зелёные ракеты. Машина шла по второй круг.

Жезлов чувствовал, что возмущение майора разделяют многие, и всё ещё колебался. Он радовался возвращению Фролова и не мог решиться принять его. Дать посадочный сигнал — значило

демашировать аэродром, на котором стояли сотни машин...

— Ну, вы примете решение или они будут до утра гулять? — жёстко сказал Смирнов.

— Да, я уже решил. Товарищ Крылов!..

Павел Крылов, помощник Жезлова по дежурству, выдвинулся из молчаливой группы пилотов.

— Отправьте прожектористов на ложный аэродром принимать самолёт. Сигнал посадки старый. Свяжитесь с ястребками, пусть будут готовы...

— Вы что?! — опешил Смирнов. — Да вы понимаете, что вы делаете?!

Жезлов понимал. Ложный аэродром, расположенный в пяти километрах от настоящего, был маленькой площадкой, на которой с трудом и только днём, могли приземляться «У-2». Даже истребители, требующие относительно небольшой пробежки, не могли сесть на этот аэродром; о посадке грузной четырёхмоторной машины не могло быть и речи. К тому же аэродром был заставлен фанерными макетами самолётов. Посадка «ТБ-3» означала неизбежную аварию и почти верную гибель машины и людей. Но Жезлов уже не колебался:

— Понимаю.

— Имейте в виду: вы головой отвечаете...

— Хорошо, товарищ майор, буду иметь это в виду. Исполняйте приказание, товарищ Крылов.

Крылов побежал к дежурной машине. Жужжащие стартера заглушил рокот мотора; лягнули шестерни передачи, и полторатонка, не зажигая фар, подпрыгивая на кочках, понеслась к ложному аэродрому.

Жезлов прислушивался к удаляющемуся шуму машины, всем телом ощущая отчуждённые, негодующие взгляды товарищей. Подошёл Анатолий Савченко и, не глядя на него, глухо сказал:

— Это ты зря... Разобьются хлопцы. Ещё не поздно...

Жезлов посмотрел на него и ничего не ответил.

Бомбардировщик продолжал ходить по кругу, и Жезлов вдруг совершенно отчётливо представил Фролова, озлобленно чертыхающегося сквозь зубы по адресу «дежурной вороны»...

Над ложным аэродромом вспыхнули зелёные ракеты и разлился свет рассеивающего прожектора. Моторы бомбардировщика взревели, и он развернулся в сторону аэродрома.

В это мгновение мучительное сознание неправимости сделанного захлестнуло Жезлова. Теперь, когда уже ничем нельзя было помочь, он вдруг совершенно отчётливо понял, что это «С-1024» и что он, Жезлов, послал товарищей на смерть. Горячая волна хлынула в лицо, и томительная слабость охватила всё тело. Перед его

глазами стремительно мелькнули улыбающееся лицо Фролова и большие грустные глаза худенькой женщины на любительской фотографии. Он зажмурился...

Оглушительный грохот потряс аэродром. На ложном погас прожектор и сейчас же появился багровый отсвет. Желтоватые вспышки озаряли его одна за другой, и после каждой долетал глухой удар бомбового разрыва.

Жезлов судорожно глотнул и внезапно почувствовал, что у него дрожат руки и ноги и всё тело покрыто липким потом.

Зарево над ложным аэродромом разрасталось, и бомбардировщик продолжал сбрасывать смертоносный груз. Но к звуку его моторов внезапно примешался звенящий пил других самолётов; небо прочертили красные пунктиры, трассирующих очередей.

Истребки! Они с рёвом пронеслись над грузным «ТБ-3», и тогда в шум моторов врывается отчётливый стук пулемёта. Они не били по самолёту, но, скрещивая над ним трассирующие стрелки, прижимали его к земле.

Жезлов повернулся и побежал к машине. Пока он заводил мотор, в открытый «газик» набились лётчики. Рядом с собой он увидел бледное лицо Смирнова. Жезлов вёл подпрыгивающую машину, не различая дороги. Он, не отрываясь, смотрел туда, где разгоралось пламя и всё ниже чертили небо красные пунктиры. Бомбардировщик шёл на посадку.

«Газик» подлетел к аэродрому, когда всё было кончено. Посреди догорающих фанерных макетов распласталась искалеченная машина самолёта.

Шасси было обито, плоскости поматы, и правая винтомоторная группа отлетела совсем. Это действительно была машина Фролова «С-1024».

Открыли заклинившуюся дверь и из самолёта вытащили четырёх раненых немецких ефрейторов: лейтенант был убит при посадке. В глубине фюзеляжа Жезлов наткнулся на тело полураздетого лётчика. В этом окровавленном, чуть живом человеке с трудом узнали Фролова. Кудрявые волосы Фролова обились и прилипли бесформенной массой ко лбу. Из полуоткрытого рта на подбородок и шею стекала застывшая тёмная кровь.

Фролов прожил всего три дня. На третьи сутки, придя в себя, он рассказал о происшедшем.

Они летели обратным курсом. Самолёт попал под заградительный огонь, был пробит масляный бак, мотор стал перегреваться и задымил. Лететь дальше было нельзя. Сели удачно, но было ясно, что это территория противника. Нужно было уходить. Фролов отправил всех; остались только он и Чеботков, чтобы облить бензином самолёт и поджечь. Неожиданно на них навалилось множество немцев. Чеботков был убит. Фролова долго пытали. Немцы захватили карту маршрута, но не знали парольного сигнала. Его били, пока он не терял сознания, приводили в чувство и снова били. В минуту просветления он услышал, что уже двенадцать часов ночи. До сих пор он молчал. Теперь сигнал изменился. Он устроит фрицам баню! Они хотят по-воровски, пользуются паролем, подобраться к нашему аэродрому, хорошо! Он даст старый пароль. Сигналы изменились, там поймут, не допустят до основного аэродрома и встретят «гостей» калёными орехами.

И на аэродроме понятия.

Кто из вас, ребята, не увлекался чудесными рассказами Э. Сетона Томпсона, кто не любит его героев: Виннипегского волка, маленького отважного бультерьера Снапа, медвежонка Джонни и многих, многих других? Все они встают перед нами как живые. Нам кажется, что мы знаем их не только по рассказам и рисункам автора, что мы сами встречали их в жизни, — так хорошо сумел он нас с ними познакомить, с такой любовью обрисовал характер и судьбу каждого из них.

С раннего детства Сетон Томпсон любил природу. Маленьким мальчиком он вместе со своей семьёй переехал из Англии в Канаду и поселился на ферме среди дремучих лесов. И здесь — и позже в городе — он пристально наблюдал и изучал зверей и птиц. Даже самые обыкновенные городские кошки и крысы привлекают его внимание. Впоследствии, уже взрослым, после занятий в лондонской художественной академии, Сетон Томпсон уезжает на Далёкий Запад Америки. Дикая природа Запада пленяет его навсегда. Здесь он живёт и трудится и сейчас.

Сетону Томпсону восемьдесят пять лет. Уже стариком он написал повесть о своём пути натуралиста, писателя и художника. Мы печатаем отрывок из этой книги с рисунками автора. Скоро он полностью выйдет на русском языке.

Тропа художника-натуралиста

Э. Сетон Томпсон

Перевод с английского А. Макаровой

Как-то раз я лежал, вытянувшись на спине, и смотрел вверх. Огромные облака, словно высеченные из белого камня, плавно передвигались над мной, порой заслоняя всю лазурь неба. Порой они сталкивались бесшумно, потом расходились в обе стороны, и тогда открывалась бездонная синева.

И вдруг на этом великолепном фоне я увидел очертания двух чудесных птиц, и ко мне донеслись издали трубные звуки их голосов.

По их широко распростёртым крыльям, вытянутым шеям, длинным ногам и белоснежным перьям я узнал — не тогда, а потом, — что это были белые журавли, самые изящные создания из всего пернатого царства.

Торжественные, волнующие звуки их трубных голосов до сих пор отдаются эхом в моём сердце. Что бы я ни отдал, чтобы услышать их сейчас так, как я слышал тогда, и увидеть их теми же, юными глазами!

Но, увы, я теперь стар, и волшебная птица исчезла, исчезла навсегда!

С весной наступала новая пора в нашей жизни, и, хотя мы все помогаем в хозяйстве, это не мешало нашим детским похождениям.

Конечно, мы находили много птичьих гнёзд и радовались каждой новой находке, и особенно я — для меня это были сокровища. Вспоминая теперь свои детские переживания, я должен сказать, что гнёзда с яйцами доставляли нам больше радости, чем гнёзда с птенцами.

Мы пробовали сами устраивать гнёзда на земле, подражая птичьим гнёздам, и ждали маленьких гостей. Но, увы, напрасны были наши ожидания: все эти маленькие гнёздышки на земле оставались пустыми.

Только немногих птиц мы знали по именам — красногрудого дрозда — робина, ворону, ястреба, сову, дятла, тетерева, голубую горихвостку, колибри. А как мне хотелось знать больше! Всем своим существом я жаждал этих знаний. Но у нас не было книг, и мы не знали никого, кто бы мог помочь нам в этом отношении. Интересно, мучаются ли так другие мальчики, как мучился я, когда становился втупик перед неразгаданной загадкой? Когда я видел новую птицу, что-то сжимало мне горло и, казалось, волосы шевелились на голове, а когда птица улетала, оставив меня снова в потёмках, я так горевал, словно потерял близкого друга.

Наконец, я узнал, что у некоего Чарли Фолея, хозяина скобяной лавки, есть птичьи чучела. Долго мне пришлось уговаривать родных, прежде чем попасть в город и встретиться с этим замечательным человеком. Взволнованный, я прошёл молча в его комнату через скобяную лавку и там на деревянных полочках увидел сорок или пятьдесят птичьих чучел.

Чарли Фолей мало говорил со мной, потому что с ним был его товарищ — охотник — и они беседовали о собаках. Но он мне назвал кардинала, голубого журавля, чайку, чёрную ласточку.

В комнате Чарли Фолея мне удалось разгадать одну загадку. Однажды в лесу мой брат выстрелил в сову. Птица упала с подбитым крылом, и мы её принесли домой. Я хорошо запомнил её жёлтые глаза и пушистые перья,

помнил, как она шипела и щёлкала клювом, когда я смотрел на неё изда- лека; нам сказали, что это очень опасная птица. Я узнал её среди чучел Чарли Фолея. Это была ястребиная сова, одно из самых безобидных соз- даний, которые обитают в тёмных лесах.

Имена птиц и их облики были для меня драгоценной истиной. Они глубоко запечатались в моей памяти. Как бы я хотел знать, жив ли ещё Чарли Фолей и знает ли он, сколько радости доставил он мне в тот день много-много лет тому назад!

К нам часто заходил старый охотник Чарльз Пиль, он любил посидеть у огня и поговорить о старине.

Как я любил слушать его рассказы! Сколько медведей и оленей убил он! Что за ужасные чудовища были медведи в то время! И какой храбрый охотник был Пиль! Каждое его слово было откровением для меня, и я ужасно огорчился, когда на самой середине героического рассказа отец напоминал мне, что пора ложиться спать. Я уходил медленно-медленно, как только смел, боясь рассердить отца, и ловил каждое слово этих чудес- ных рассказов. Я не сомневался, что медведей в те времена здесь были це- лые миллионы, а волков ещё больше.

Однажды вечером, когда я ложился спать, весь под впечатлени- ем этих волнующих рассказов, я вдруг увидел при свете догорающей печки совсем близко около моей кровати голову волка. Я весь психолодел от страха. Волк в моей комнате! Я чувствовал, как волосы стали дыбом на моей го- лове. Но потом, немного придя в себя, я стал качать головой из стороны в сторону и обнаружил, что голова волка была всего лишь тенью на стене от моей головы и складки ватного одеяла, которое я надвинул себе на лицо.

Я никогда не терял случая побывать у Пила. У него была очень боль- шая семья — семнадцать человек детей, — и мне было хорошо у них.

Там всегда было много интересного: шкурка енота, прибитая на стене сарая, пара оленьих рогов на гребне крыши; там волновали рассказы о набегах рыси на курятник, где всегда среди кур гордо расхаживал краса- вец-павлин.

Никогда не забуду одного дня моего раннего детства. Мы гнали коров с пастбища со старшим братом Джорджем и соседом Джимом Поркером. Пара ворон пролетала над нами. И вдруг с небольшого деревца сорвалась маленькая птичка, оглашая воздух пронзительным, воинственным криком. Она кинулась сначала на одну, потом на другую ворону. Те бросились стремительно в сторону и улетели в лес.

— Кто это? — спросил я.

— Это королевская птица, — ответил брат. — Она закладывает любую из птиц.

— Королевская птица! — прошептал я в волнении.

Она жила до сих пор только в моих мечтах. Я думал, что это очень ред- кая птица дальних стран. Теперь я увидел её собственными глазами, у нас, она стала для меня реальностью. Она жила вблизи и сражалась с нашими воронами. Это было потрясающее, необычайное открытие.

С этого дня маленькая героическая птичка завладела моими мыслями. Я всегда преклонялся перед героями и включил её в мой список знатных. С каждым годом я узнавал всё больше и больше о ней, и, когда мне было шестнадцать лет, я написал героическую поэму «Королевская птица». Она была напечатана в 1879 году. Это было начало моей писательской дея- тельности.

* * *

Четыре года мы прожили на ферме среди лесов. На во- сток лес тянулся непрерывным массивом, и я не видел там ни просек, ни полян — только один дремучий лес, лес, лес... Мне казалось, что этот лес тянется до конца света. Потом наступила большая перемена в нашей жизни. Отец не справился в фермерском хозяйстве. Старшие братья один за другим занялись другой работой. И вот однажды мать сказала, что мы скоро переедем жить в город Торонто.

Когда мы покинули нашу ферму, мне казалось, что я навсегда оторвался от природы. Но мечты с неудержимой силой снова и снова уносили меня в любимый мир. В па- мяти оживали дремучие леса, поля, населённые птицами, и маленькая комнатка Чарли Фолея с белыми стенами, на которых висело шесть полочек с чучелами птиц, — я ме- чтал, что когда-нибудь и у меня будет такая же комната с такими же полочками и на каждой из них будет стоять по красивому чучелу.

Песня о летнем отдыхе

Текст Елены Ильиной

Музыка Зары Левиной.

Лирично не спеша

1 На-встре-чу солн-цу
даль-ше дви-жетс-я

мы иде-м, ша-га-ем на лег-ке-е нас ла-герь ждёт всё
-ся отря-д и солн-це го-ря-чей О-но гля-дит на

ру-густом, пе-сок на пля-же зо-ло-том и ло-д-ки на ре-
ке ре-бят и тру-бы зо-ло-том го-рят в ру-ках у тру-ба-

чу густом, пе-сок на пля-же зо-ло-том и ло-д-ки на ре-
ке ре-бят и тру-бы зо-ло-том го-рят в ру-ках у тру-ба-

Навстречу солнцу мы идём,
Шагаем налегке.
Нас лагерь ждёт в бору густом,
Песок на пляже золотом
И лодки на реке.

Прощайте, школьный двор и класс,
Притихший и пустой!
Смотрите все, как много нас,
Как мы проходим в ранний час
По звонкой мостовой.

2 Про-щай-те, школь-ный двор и клас-с, притих-ший и пу-
-стый. В ле-су при-вал на пол-ча-са и в пу-ть пош-ли о-

стой. Смот-ри-те все как мно-го нас, как
Весь лес по-ёт, бле-стит ро-са, кру-

мы про-ходим в ран-ний час по звон-кой мо-сто-вой 3 Все
го-м та-кие чу-де-са, что

для ска-з-ки
в ска-з-ке не ска-зать

Всё дальше движется отряд,
И солнце — горячий.
Оно глядит на нас, ребят,
И трубы золотом горят
В руках у трубачей.

В лесу — привал на полчаса,
И в путь пошли опять.
Весь лес поёт, блестит роса,
Кругом такие чудеса,
Что в сказке не сказать!

СОДЕРЖАНИЕ

Зелёные ракеты.—Герой Советского Союза С. Кузнецов. Рис. Б. Винокурова	1 стр.	Зайчики.—Стихи Ел. Благиной. Рис. Б. Винокурова	22 стр.
Тропа художника-натуралиста.—Э. Сетон Томпсон. Перевод с английского Аллы Макаровой	5 "	Занимательная лаборатория.—В. Линский	23 "
Бамбуковый лес. Сбор цитрусов. Цветение чая. Эвкалипты.—Стихи Ал. Оленич-Гнененко. Рис. В. Цельмера	10 "	Что такое сила.—Заслуженный мастер спорта Н. Озолин	24 "
Джамба.—Удэгейская сказка.—Дм. Нагишкин. Рис. Ю. Кискачи	12 "	Пионер на берегу ручья.—Л. Успенский. Рис. Евг. Эндриксон	26 "
В клубе юных автомобилистов	15 "	Отосюду и обо всем	28 "
Шестое чувство.—Научно-фантастический рассказ Вл. Немцова. Рис. В. Федяевской	18 "	Грибной календарь.—Н. Надеждина	30 "
		Повесть о будущем офицере.—Ю. Нейман	31 "
		Песня о летнем отдыхе.—Елена Ильина	32 "
		Почтовый ящик	III п. обл.

На обложке: рисунок А. Брея „По грибы“.

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 6/VII—45 года.

Изд. № 487.

А 5712. 82×110. 1/16 бум. листа. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 2 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Тираж 24 000 экз. Зак. 1256.